

Интервью руководителя Главного следственного управления Следственного комитета РФ по Санкт-Петербургу Александра Клауса газете "Деловой Петербург"

Если следователя не ругают

Руководитель главного следственного управления Следственного комитета РФ по Петербургу Александр Клаус о намечающемся в последнее время смещении интересов современных преступников от насильственных действий к финансовым махинациям, об истинном предназначении российского следователя и о том, кто сегодня в нашей стране является главным врагом законности и порядка.

— Александр Владимирович, вы в СК с самого его зарождения. Было ли у вас в 2007 году в связи с переходом сюда из прокуратуры ощущение открывшихся возможностей на уровне борьбы с преступностью?

— Такого ощущения не было, потому что следствие — оно следствие и есть, это одна и та же работа, в какой бы организации она ни велась. Но с другой стороны, эффективность работы возросла, и возросла существенно. Дело в том, что, хотя в составе прокуратуры следственное подразделение по праву считалось самым квалифицированным и грамотным, это было лишь одним из направлений деятельности помимо надзора за органами внутренних дел и т. д. Поэтому эффективность работы сильно снижалась.

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Собственно, суть следственной реформы заключалась в объективности расследования. Которую обеспечить, когда и следствие, и контроль над ним находятся в одних руках, достаточно затруднительно. Когда прокурор района отвечал и за раскрытие преступлений, и за соблюдение законности, конечно, мог быть крен как в одну, так и в другую сторону.

Я могу сказать, что за 7 лет с момента выделения СК из органов прокуратуры как качественные, так и количественные показатели улучшились. Если в начале 2000-х годов в Петербурге совершалось около тысячи убийств в год и раскрывалось до 70%, то есть 300 убийств в год оставались нераскрытыми, то сейчас количество убийств сократилось в 4 раза. В 2013 году совершено 251 убийство и покушение, из них раскрыто почти 90%. Я здесь за статистикой особо не гонюсь, потому что граждане зачастую обоснованно в ней сомневаются. Но могу сказать, что мы часто теперь возбуждаем дела по фактам, которые раньше были вне поля зрения правоохранительных органов, — безвестное исчезновение, обнаружение трупов с признаками насильственной смерти. И достигнуты положительные результаты в раскрытии этой категории преступлений.

Убийства с применением огнестрельного оружия — как правило, это заказные убийства при разделе сфер влияния организованных преступных группировок, несмотря на их сложность, мы их раскрываем и привлекаем не только непосредственных исполнителей, но и заказчиков.

— А много сегодня в Петербурге организованных преступных группировок?

— Конечно, никто не ведет их перепись. Безусловно, они есть. Они действуют в различных сферах, но ощущается перенос их деятельности с корыстно-насильственных преступлений к преступлениям экономического характера, где зачастую применяются новые формы сокрытия от правоохранительных органов, и ущерб от них исчисляется миллиардами. Взять хотя бы мошенничества с возвратом НДС. Казалось бы, гражданин не избит, не ранен, не убит, а ущерб государству нанесен миллиардный, что на уровне жизни граждан опосредованно тоже сказывается. Обнальные схемы, незаконная банковская деятельность. Как правило, если группировка занимается обналом, то она же занимается и мошенничествами, в том числе и с возмещением НДС.

— Если подытоживать месяцы во главе ГСУ, какие направления работы у вас сейчас в приоритете?

— Традиционно особо тяжкие преступления, половые преступления. Мы прикладываем достаточно много усилий, чтобы все это раскрывалось. Я могу ответственно сказать, что на территории Петербурга сейчас нет нераскрытых серий половых преступлений. А ранее их было достаточно много, из сообщений СМИ все знали, что есть такой Лифтер, есть Блондин, есть Водопроводчик, так называемые маньяки. В настоящее время мы тщательно мониторим все информационные источники, в том числе СМИ, и сейчас у нас нет таких нераскрытых преступлений.

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

— Я вот, кстати, для себя никак не могу понять: как мог человек из Петербурга проехать через пол-России, миновать границу и оказаться на Украине, где его поймали?

— Я в подробности конкретно этого дела вдаваться не буду, потому что это некорректно. Расследуются уголовные дела как по факту побега Литовченко, так и по факту халатности в отношении сотрудников правоохранительных органов, которые его упустили. И по ходу расследования давать оценки считаю некорректным. Но, безусловно, применяются и технические, и экспертные методы, и в дальнейшем они будут применяться еще шире.

Другое важное направление — это преступления с участием несовершеннолетних. Раскрываемость грабежей и разбоев в отношении несовершеннолетних (в первую очередь отъем гаджетов и телефонов) достигает 70%.

Отдельное направление — это экономические, налоговые, хозяйственные преступления. Здесь непаханое поле. Потому что преступники переквалифицируются, изобретают новые схемы преступлений и этим наносят гигантский ущерб.

— Хватает у следователей экономической квалификации, чтобы раскрывать эти новые схемы?

— На всякое действие есть противодействие. У нас есть следователи, которые являются специалистами именно в раскрытии такой категории дел, например налоговых преступлений. Сотрудники управления проходили обучение по основам бухучета, налогам, и такого рода переподготовка производится регулярно. Можно отметить успехи в раскрытии преступлений, связанных с возмещением НДС. У нас большое количество организованных преступных групп привлечено к уголовной ответственности. У значительной части этих групп есть коррумпированные связи в налоговой. По нашим данным, количество этих группировок, промышляющих возвратом НДС, уменьшается.

— Как вы считаете, либерализация УК — это было благо или зло?

— На мой взгляд, либерализация, которая была, — неудачна. К примеру, мы могли возбуждать налоговые уголовные дела только по данным налоговой инспекции. А она не является правоохранительным органом, у нее нет агентурных данных, следственных и оперативных направлений деятельности. В результате из организованной преступной группировки к ответственности привлекаются зачастую только те, кто непосредственно подавал документы.

Сейчас обсуждается воссоздание финансовой полиции, и я думаю, это было бы своевременное решение. Я понимаю, чего боится бизнес, он боится, что его будут кошмарить. Что у сотрудников правоохранительного органа будет соблазн под предлогом борьбы с налоговыми преступлениями войти, тащить и не пущать... Но можно продумать систему определенных фильтров. Например, те же самые материалы для возбуждения дел поступали бы через

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

прокуратуру, которая бы оценивала их на предмет возможности возбуждения уголовного дела.

На мой взгляд, у нас неадекватно мягкое наказание за неуплату налогов. Аль-Капоне посадили надолго за неуплату налогов. У нас даже представить такое невозможно.

— Кто сегодня враг № 1 для правоохранительных органов России? В 1990–е это были бандиты, в нулевые — рейдеры, в десятые — всевозможные болотные, навалыные, а теперь и украинские. Кто может претендовать на звание главного врага законности и порядка в ближайшем будущем?

— Во-первых, тяжело выделить — вот это главный враг, а это второстепенный. Во-вторых, никогда для СК болотные и навалыные даже близко не были главными врагами. Несмотря на то что наше управление не принимает участия в расследовании этих уголовных дел, я могу сказать, что нет никакой политической установки, что вот сегодня у нас убийцы — это враги № 1, а мошенники — это враги № 5. Другое дело, что мы на протяжении уже ряда лет фиксируем смещение акцентов в совершении преступлений в сторону экономики. Снижение убийств, изнасилований, причинений тяжкого вреда здоровью. Сегодня методом расстрела решается гораздо меньше бизнес-споров, чем 10 лет назад.

Вместе с тем появляются уголовные дела по абсолютно новым фактам. Например, по преступлениям, совершенным врачами. Понятно, что имеют место случаи оказания ненадлежащей помощи, в результате чего люди остаются инвалидами или даже погибают. Раньше это оставалось вне поля зрения органов, потому что расследовать такие дела тяжело, есть круговая порука врачей. Вместе с тем дела теперь возбуждаются. Их не поставить на поток, но они есть.

Есть дела по оказанию услуг, опасных для жизни и здоровья населения. Если бы в свое время владельцы клуба "Хромая лошадь" своевременно были привлечены к ответственности за нарушения пожарной безопасности, не было бы трагедии. Теплоход "Булгария" тоже. Такого рода дела имеют профилактический характер.

Преступления в сфере воспитания детей. На прошлой неделе мы возбудили уголовное дело: полуторагодовалого ребенка жесточайшим образом избил мужчина, а его сожительница, мать ребенка, укрывала преступление, говорила, что упал ребенок и т. д. Так мы возбудили уголовное дело и в отношении матери, которая создала условия для того, чтобы ее ребенок стал жертвой преступления.

— А бизнесмен для вас — это тот, кого надо защищать, или тот, от кого надо защищать?

— Разумеется, все зависит от конкретной ситуации. Бывает, что бизнесмен стал жертвой преступления, и тогда мы применяем меры для его защиты: арест на имущество, задержание самих людей, которые совершили преступление. Бывает бизнесмен — преступник. И

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

отношение к нему соответствующее. Но какой-либо целевой установки, что бизнесмен — это враг, потенциальный расхититель бюджетных денег и т. д., — у нас нет. Потому что работают у нас адекватные люди. Мы понимаем, за чей счет формируется бюджет, кто платит налоги, кто дает рабочие места гражданам. А так — вы же не спрашиваете, враги для нас пенсионеры или нет. Хотя бывают среди них не только герои-блокадники, но и растлители несовершеннолетних.

— Какие дела у вас сегодня находятся на особом контроле?

— У меня на контроле большое количество дел. Рабочий день начинается с того, что мне докладывают сводку по городу, и в зависимости от того, что совершается, беру на контроль те или иные дела. Безусловно, есть и особо контрольные дела. К примеру, из недавно возбужденных на особом контроле у меня дела по факту мошенничеств, совершенных туроператорами. Их достаточно большое количество. Много пострадавших в первую очередь морально и материально.

— В начале года глава СКР Александр Бастрыкин выдвинул идею создания в процессуальном законодательстве института объективной истины. Сейчас эта идея как-то затихла на фоне политических событий, но тогда она вызвала жаркие споры у юристов. Что вы думаете по ее поводу?

— Есть выражение: два юриста — три мнения. Я лично считаю, такой институт нужен. Чтобы следователь имел цель не столько собрать доказательства вины конкретного лица, сколько восстановить истинную картину преступления. Чтобы истинный преступник понес наказание, а истинный потерпевший — был восстановлен в своих правах, насколько это возможно. А для этого ему надо принимать не только доказательства вины, но и доказательства невинности, защиты обвиняемого. Ему нужна беспристрастность.

Еще во времена Российской империи судебная реформа стремилась к тому, чтобы судебный следователь имел задачу установить истину, а не обвинить кого-то. Разобраться. Например, детский суицид. Эта проблема никогда не разрешится методами уголовного права. Но цель уголовного дела — разобраться, что привело к этому страшному событию. Уголовное дело не должно быть средством свести счеты с оппонентом.

— У бизнесменов как раз зачастую оно рассматривается именно как метод сведения счетов с оппонентами...

— Это потому, что такие дела сложно расследовать. Но если у следвателя не будет необходимости в обязательном порядке направлять дело в суд, а его задачей будет разобраться по существу: что произошло — это гражданский спор или реальное преступление? И прекратить дело, если состава преступления нет. Мы сегодня реально прекращаем около 10% уголовных дел, потому что считаем, что нет состава преступления. И это нормальный

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

показатель, никто нас за него не ругает. Разобрались, что произошло, и приняли решение по существу.

— В таком случае другая сторона считает, что вы плохо работаете.

— Если следователя не ругают, значит, он плохо работает. Потому что работа следователя на острие конфликта, и ею всегда будет кто-то недоволен. Наша задача — чтобы недовольны были те, кто совершил преступление, а довольны — те, кто от них пострадал.

23 Сентября 2014

Адрес страницы: <https://sledcom.ru/press/interview/item/508005>